

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЕВАГРИЯ ПОНТИЙСКОГО

СИДОРОВ
Алексей Иванович

Московский государственный университет (исторический факультет) — 1975; аспирантура института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук — 1981; Московская Духовная Семинария — 1990, Московская Духовная Академия, кандидат богословия — 1991; профессор — 1997; доктор церковной истории — 1999.

ТРУДЫ
№3

Минской Духовной Академии

Основным источником для восстановления главных моментов биографии Евагрия¹ служит 38 глава «Лавсаика» Палладия Еленопольского², которая дополняется «боковой традицией» (la tradition laterale—выражение Г. Бунге) сочинения Палладия, представленной в первую очередь коптским «Житием Евагрия» (вошедшим в коптский синаксарий), а также церковным историком Сократом и сирийскими фрагментами³. В зачине своего произведения Палладий называет Евагрия «прославленным диаконом» (το.η αοχι, διμον δια, κοπον) и «мужем апостольской жизни» (αρχια βεβιωκο, τα κατα. του.η αποστο, λουη), описание жития которого должно послужить духовной пользе читателей. В коптской версии Палладий замечает, что именно Евагрий научил его жизни во Христе и духовному пониманию Священного Писания. По свидетельству Палладия, все время пока он подвизался в пустыне Келлий, он субботние ночи и воскресные дни (обычай келлиотов, собиравшихся в субботу и воскресенье на богослужение, а остальные дни недели проводивших в своих келлиях) обычно был вместе с Евагрием, став очевидцем его добродетелей и чудес, совершенных им. В коптской редакции указывается еще, что Евагрий прожил 60 лет, хотя в греческом тексте называется цифра 54 года⁴.

Обычно датой рождения Евагрия называется 345 г., хотя, если верить коптской версии, эту дату можно отнести еще на шесть лет назад (339 г.). Родился он в небольшом понтийском городке Ивора (ϩε, ηει η=η Pontiko. η πο, λειη VBozw/n), и отец его был здесь хорепископом (в коптской версии и некоторых других источниках отец Евагрия называется еще священником или пресвитером, что в принципе почти одно и то же)⁵. Данный городок находился недалеко от родового поместья св. Василия Великого (Анеси), где он вместе со св. Григорием Богословом проходил первый искус монашеской жизни (357-358 гг.). Можно предполагать, что

уже в молодые годы Евагрий познакомился (вероятно, через своего отца) с великим каппадокийским святителем⁶. Как сообщает Палладий, св. Василием Евагрий был посвящен в сан чтеца, т.е. он стал членом каппадокийского клира, входя в то же время в круг учеников святителя. Личность св.Василия наложила заметный отпечаток на черты характера и мировоззрения Евагрия: его он почитал всю жизнь, назвав в своем сочинении «Умозритель» (45) «столпом Истины». Кроме того, происходя из весьма добропорядочной и, наверное, обеспеченной семьи, Евагрий в Кесарии Каппадокийской получил хорошее образование⁷.

Преждевременная и внезапная смерть св. Василия (379 г.)⁸ повергла молодого Евагрия в смятение и заставила его покинуть родные края. В своем «Послании о вере», обращенном, скорее всего, к каппадокийским друзьям⁹, он говорит: «Тогда, пораженный неожиданностью, я был подобен людям, оглушенным внезапным грохотом, и не мог собраться с мыслями; я сразу удалился, став беглецом, значительное время проведя вдали от вас». Далее он добавляет: «Затем мной овладело томительное влечение к божественным догматам и к любомудрию, касающемуся их. Я говорил [себе]: каким образом могу я одолеть порок, живущий вместе с нами? Кто станет моим Лаваном, избавителем моим от Исава и воспитателем в горнем любомудрии?»¹⁰. В этих словах проявляется сущностная и важнейшая черта личности Евагрия — всецелая устремленность к горнему любомудрию («высшей философии») и к самым сокровенным тайнам христианского Боговедения. Именно эта всецелая устремленность к подлинно христианскому любомудрию и привела Евагрия к другому великому каппадокийскому святителю — св. Григорию Богослову. Опять же, по его собственным словам, с помощью Божией достиг он «по мере своих сил цели и нашел «избранный сосуд» и «глубокий колодезь» (я имею в виду уста Христовы — Григория)»¹¹. В коптской версии еще добавляется, что Евагрий, «преисполненный ведения, поскольку он шество-

вал по стопам св. Василия», прибыл в Константинополь. Ученик одного великого каппадокийского отца, Евагрий затем стал учеником другого.

Св. Григорий Богослов в это время (март-апрель 379 г.) стал епископом Константинопольским. В новой столице империи господствовали тогда ариане, и св. Григорий возглавил небольшую общину православных, которая собиралась в домашней церкви (храм Воскресения)¹². В середине или конце того же 379 г. в Константинополь прибыл и Евагрий. Возможно, что он, будучи достаточно близок к св. Василию Великому, знал его друга, т.е. св. Григория Богослова, еще в Каппадокии. Во всяком случае, он быстро стал одним из самых ближайших помощников столичного архидиаконья, сделавшего его своим архидиаконом. Созомен замечает, что Евагрий «любомудрствовал» (evfiloso, fhse) и «обучался священным словам» (evpaideu, qh)) tou.j i`erou.j lo, gouj) у Григория, епископа Назианского»¹³. Сам Евагрий говорит о нем, как о «праведном Григории, насадившем меня»¹⁴. О деталях их содружества и конкретной борьбе с арианами не сохранилось, к сожалению, почти никаких сведений, но можно предполагать, что уже в это время Евагрий выступал как серьезный (хотя и начинающий) богослов, одаренный ярким и сильным словом, и как серьезный «диалектик», могущий использовать различные виды аргументации. Во всяком случае, Палладий называет его «искуснейшим в опровержении всех ересей» (dialektikw, taton o;nta kata. pasw/n tw/n ai`re, sewn), т.е. мужем, который мог словами (lo, goij — доказательствами) победить любую из них. В коптской версии он также характеризуется в качестве мудрого мужа, воздерживающегося от страстей, и безупречного диакона; ум, мудрость и знание Священного Писания позволяли ему успешно опровергать ереси. Все это помогло Евагрию занять достойное место в константинопольском клире и успешно защищать Православие от нападков еретиков.

Нет сомнений, что между св. Григорием Богословом и Евагрием установились тесные дружеские отношения, которые

возможны между учителем и учеником, связанных глубоким единством основных мировоззренческих установок. О сердечной привязанности святителя к своему ученику свидетельствует его «Завещание», написанное 31 марта 381 г., где говорится: «Диакону Евагрию, понесшему со мной много трудов и забот, а также во многих обстоятельствах проявившему благоволение ко мне, я выражаю благодарность перед Богом и людьми. Большими вознаграждениями отблагодарит его Бог, но, чтобы нам не пренебречь малыми знаками дружбы (ta. mikra. th/j filli, aj su, mbola), я жежаю подарить ему одну рубашку, один стихарь, два плаща и тридцать золотых монет»¹⁵. Когда св. Григорий, не сориентировавшись в церковно-политической обстановке¹⁶, вынужден был покинуть Константинополь и столичную кафедру в июле 381 г., то Евагрия он оставил своему преемнику Нектарию¹⁷. Но связь между учителем и учеником не прерывалась до самой кончины великого Богослова в 390 г. Она поддерживалась с помощью переписки, от которой дошло до нас очень немногое: известно одно послание св. Григория (228) к Евагрию и три письма последнего (12, 23, 46) к св. Григорию¹⁸.

С победой Православия на втором Вселенском соборе перед Евагрием, как перед искусным проповедником и талантливым богословом, открылись в столице широкие перспективы. В коптской версии на сей счет замечается, что весь город хвалил его, а это предполагает достаточно широкую известность Евагрия. Но по Промыслу Божию (и по попусению Божию) жизнь его повернула в совсем иное русло. Палладий, ссылаясь на рассказ самую Евагрия (w`j alyto. j h`mi/n dihgħ, sato), повествует об этом достаточно подробно. По словам Палладия, «случилось, что этот [муж], весьма уважаемый во всем городе», был охвачен страстью к одной замужней женщине. Она, также восплавав любовью к Евагрию, пыталась вовлечь его в грех. Пытаясь своими силами порвать с ней всякие отношения, он, однако, не смог этого сделать, «удерживаемый узами ее попечения» (desmoi/j th/j qerapei, aj). Тор-

да Евагрий стал усиленно молиться, и ему было дано ангельское видение: словно явились к нему воины ипарха, повели его в судилище, бросили в темницу и заковали в железные цепи. Устрашенный Евагрий стал мучиться угрызениями совести, [справедливо] полагая, что тяжкие прещения, выпавшие на его долю, произошли из-за жалобы мужа любимой им женщины (по коптской версии, он был знатного происхождения и занимал высокое положение). Затем Ангел принял образ искреннего друга Евагрия, посоветовавшего ему как можно скорее покинуть Константинополь. Тот внял этому совету и поклялся на Евангелии, что в течение дня покинет столицу. Это Евагрий после исчезновения видения и сделал: на следующий день, собрав кое-какие свои вещи, он сел на корабль, плывущий в Иерусалим. Больше в Константинополь Евагрий никогда не возвращался. Случилось это, скорее всего, в 382 г.¹⁹. Почему им выбран был именно Иерусалим, сказать трудно; относительно подобного выбора можно строить различные предположения, но все они вряд ли найдут основания в сохранившихся сведениях источников.

Палладий просто констатирует, что молодой столичный архидиакон был принят во Святой Земле «блаженной Меланией Римлянкой» (возможно, ей рекомендовали Евагрия какие-либо столичные его друзья и знакомые). В данном случае речь идет о преп. Мелании Старшей²⁰ — личности весьма замечательной, которую не следует путать с Меланией Младшей — ее внучкой, также оставившей заметный след в истории древней Церкви. Будучи несколько моложе Евагрия (родилась в 349 или 350 г.), Мелания Старшая происходила из знатного римского рода (дед ее был консулом) и в возрасте пятнадцати лет вышла замуж за молодого человека из своего круга, который вскоре стал префектом Рима. Но в двадцать два года она внезапно овдовела, потеряв вместе с мужем и двух старших сыновей. После этого Мелания, несмотря на протесты родни, решила избрать иноческую жизнь и в конце 372 г. отправилась в Египет²¹. В Алек-

сандрии она познакомилась с известным Руфином Аквилейским — подвижником, выдающимся эрудитом, превосходным переводчиком (с греческого на латинский) и церковным писателем. Между ними завязалась тесная духовная дружба, которую они сохранили до самой кончины своей. В Египте Мелания окормлялась (преимущественно в Нитрии) у ряда знаменитых старцев (Памво, Пафнутия и др.). Когда после смерти свт. Афанасия Великого ариане при поддержке государственной власти начали очередное сильное гонение на православных (373 г.), то Мелания последовала за изгнанниками (в число которых входили Памво, Арсисий, Серапион Великий, Пафнутий Скитский, Исидор Исповедник — епископ Гермопольский, Диоскор) в Палестину. Здесь она, пользуясь своим высоким положением, богатством и связями, всячески облегчала участь изгнанников. Когда они вернулись в Египет, Мелания основала (375—378 гг.) в Иерусалиме, на Масличной горе, монастырь, где с ней подвизались еще пятьдесят дев (παρθε, πνθ). Позднее (в 380 г.) к Мелании присоединился и Руфин, который прошел хорошую школу у египетских подвижников, также шесть лет учился у знаменитого Дидима Слепца, а затем посетил, с духовными и образовательными целями, Антиохию и Эдессу²². Рядом с обителью Мелании Руфин основал мужской монастырь и, по словам Палладия, оба они (т. е. Мелания и Руфин) «в продолжении двадцати семи лет принимали приходивших в Иерусалим для поклонения (εὐχθ/ἰ ε[νεκεν): епископов, монашествующих и дев». Двойной монастырь преп. Мелании и Руфина стал не только одним из центров духовной и паломнической жизни в Палестине, но и средоточием жизни интеллектуальной: к нему тяготели некоторые из образованнейших христиан того времени. Позднее (385 г.) к кружку Мелании и Руфина примкнул и молодой тогда Палладий²³.

В эту духовную атмосферу, внутренне сродную ему, и попал Евагрий. Перед ним встал вопрос о выборе дальнейшего жизненного пути, который, как казалось, ре-

шался однозначно: Промысел Божий недвусмысленно указывал ему на иноческую стезю. Однако, как сообщает Палладий, диавол ожесточил сердце Евагрия, словно сердце фараона; его обуяли сомнения и охватило ораторское тщеславие. Понять такое искушение столичного архидиакона нетрудно: монашеский путь предполагал отречение от многих телесных удобств и мирских удовольствий, а Евагрий за время проживания в Константинополе (а возможно, и раньше) привык к ним. Созомен замечает, что «лицом он был приятен и любил изящно одеваться»²⁴, а в коптской версии Палладия говорится, что он менял одежду дважды в день. Мелочи же и маленькие приятности цивилизованной жизни порой пленяют душу сильнее, чем самые бурные страсти. К тому же Евагрий был одаренным проповедником и ярким мыслителем, привыкшим блистать в изысканном обществе, а это не могло не сеять в душе его многоликие помыслы тщеславия и гордыни. В этот момент, по словам Палладия, Бог, препятствующий всяческим видам нашей гибели (οὐ δε. ἐμπόδιθ. ἰ θ/ἰ πα, ντῶν ἡ πῶ/ν ἀνρῶλει, ἀἰ θεο. ἰ), вверг Евагрия в жестокую горячку, которая продолжалась шесть месяцев и истощила его плоть, служившую препятствием к духовному преуспеянию. Мудрая Мелания поняла смысл серьезной болезни (μακρονοσι, α) молодого архидиакона, которая ставила в затруднительное положение врачей, не могущих исцелить ее. Она попросила Евагрия рассказать все, и тот исповедался перед ней (ῶ τοιο, ἰ ἡσεν αὐτῆ/ἰ). После этой исповеди блаженная взяла с него слово, что он избрет монашескую жизнь (ε; χ του/ σκοπου/ του/ μονῆ, ρουἰ βι, ου). Евагрий исполнил просьбу преподобной, а та помолилась о нем; вскоре Евагрий выздоровел. Одно из посланий его (22) показывает, что из рук Руфина (и Мелании) он получил монашеское облачение и, видимо, на Пасху 383 г. принял иноческий постриг²⁵. Затем, по благословению преп. Мелании и Руфина, он отправился в Египет.

Начался завершающий период жизни Евагрия. Первые два года он провел в

Нитрии²⁶. Здесь к концу IV в. существовала уже хорошо организованная иноческая община, приближающаяся по типу к общежительной (но и с заметными чертами полутшельнического поселения), которая в данную эпоху насчитывала несколько тысяч насельников; здесь имелись и свои священники-монахи (во времена Палладия их было восемь)²⁷. По словам анонимного автора «Истории египетских монахов», среди нитрийских подвижников «были и местные жители, а иные пришли сюда из других мест. В добродетелях они превосходили друг друга и более всего желали первенства в аскетических подвигах. Они являли всякую добродетель и старались превзойти друг друга своей жизнью: одни из них предавались созерцанию, другие — деланию»²⁸. Среди них выделялись два подвижника: Ор и Памво. Кстати, как свидетельствует Палладий, с обоими была знакома преп. Мелания Старшая, которая некоторое время окормлялась у них, а в дальнейшем поддерживала, насколько это было возможно, с ними тесные отношения. Естественно предположить, что именно к ним в первую очередь она и направила Евагрия. Под руководством таких опытных старцев он, вероятно, и прошел первый искусы монашеской жизни. Возможно, что в Нитрии Евагрий впервые познакомился с «длинными братьями» (Диоскором, Аммонием, Евсевием и Евфимием), сыгравшими в дальнейшем видную роль при первой фазе оригенистских споров, ибо Памво, как то констатирует Палладий, был учителем (*didax, skaliōj*) их, и очень вероятно, что они посещали своего духовного отца.

После двух лет пребывания в Нитрии Евагрий перешел в пустыню Келлий. Если монашеское поселение в Нитрии было основано преп. Аммоном (Амуном) Нитрийским приблизительно в 325 г., то начало иноческой общины в пустыне Келлий, расположенной в 18 км. к югу от Нитрии, восходит к самому «отцу монашества», т. е. преп. Антонию Великому, и датируется, вероятно, 338 г.²⁹ Руфин описывает эту пустыню так: «За Нитрийской горой дальше в глубине пустыни (*in deserto*

interiore — во внутренней пустыне) на расстоянии десяти миль находится местность, которую, по множеству рассеянных по пустыне келлий, так и называют «Келлии». Сюда удаляются только те, кто достаточно приготовился к более уединенной жизни в Нитрии. Пустыня весьма обширна, и келлии находятся одна от другой на столь большом расстоянии, что обитатели их не могут ни видеть, ни слышать друг друга. Отшельники (*singuli*) живут в келлии по одному и в глубоком безмолвии, в ненарушаемой тишине (*silentium ingens et quies magna*). Только по субботам и дням воскресным они сходятся все вместе в храм (*ad ecclesiam*) и только тогда видят друг друга, как бы являясь друг другу с неба. Если кто-нибудь не окажется в собрании, все тотчас узнают, что его удержала в келлии какая-нибудь болезнь. Тогда все считают своим долгом навестить его, только не все зараз, но по одному в разное время, и каждый приносит с собой что-нибудь для утешения больного. Под другим же предлогом никто не дерзает нарушить безмолвия своего ближнего — разве только тот, кто одарен особым даром назидания (*quis forte potest in verbo instruere*), зайдет к кому-либо со сладостным словом утешения (*sermonis consolatione*), подобно тому как могучих бойцов (*athletas*) намазывают елеем на поприще для состязания. Многие из них приходят в церковь за три или четыре мили — так далеко отстоят одна от другой келлии! Но любовь (*caritas*) между ними так сильна, так глубоки чувства их расположения друг ко другу, да и ко всем братьям, что они служат предметом удивления и примером для всех. Вот почему при первой же вести, что кто-нибудь желает жить с ними, каждый спешит предложить свою келлию»³⁰.

Основные черты обыденной жизни келлиотов можно представить не только по письменным источникам, но и по археологическим раскопкам³¹. Обычно келлии окружались стенами и во дворе каждой из них (а дворы часто бывали обширными) копался колодец (на глубину 5-6 м.), позволяющий заводить иногда небольшие огороды и сады: раскопки даже указыва-

ют на наличие среди келлиотов садовников и огородников. Келлии, как правило, имели не одну комнату: обязательно в ней присутствовала молельня, обращенная к востоку; была здесь кладовая, а иногда и комнаты для странников и учеников (у опытных уже подвижников и старцев). В келлиях находилось все необходимое для молитвы и труда (рукоделия) — двух основных занятий отшельников (*ora et labora*)³². Центром всего иноческого поселения являлся храм, куда отшельники собирались по субботам и воскресениям; к храму примыкала (или находилась рядом с ним) общая трапезная, где по субботам имели место «агапы», а после этой «вечери любви», в ночь на воскресение, начиналась Литургия. Соответственно, среди келлиотов имелись священники, старший из которых обычно пользовался непререкаемым авторитетом (обычно то были всеми уважаемые подвижники); вместе со священниками общими делами общины заведовал совет старцев (*sune, drion*). Были в пустыне Келлий и экононы, заботившиеся о материальных нуждах либо всей общины, либо отдельных частей ее. Такими частями всей общины келлиотов иногда являлись «братства», возглавляемые, естественно, старцами и опытнейшими из монашествующих. Такое «братство» образовалось, например, около одного из «длинных братьев» — Аммония; в «Истории египетских монахов» говорится, что «он имел особые келлии с двором и колодезем и всем, что нужно для хозяйства. Когда к нему пришел некий брат, ищущий спасения, и просил Аммония указать ему келлию для жития, тот сразу же вышел из своего жилища и просил брата не удаляться от келлии, пока ему не найдут крова. И оставив вновь пришедшему все, что он имел, вместе с келлиями, сам затворился в небольшой келлии. Если пришельцев, желающих спастись было больше, он собирал всю братию: один приносил кирпичи, другой — воду, и в один день они заканчивали строительство келлий. Собирающихся поселиться в этих келлиях они звали в церковь, чтобы накормить их, и пока они там праздновали, каждый брат из своей келлии приносил в новые

келлии хлеб или другие необходимые вещи, нагрузив их в милоть или в корзину, — чтобы никому из братии не было известным приношение другого. Возвращаясь вечером в келлии, братия, которые собирались там поселиться, неожиданно находили все необходимое»³³.

В этой духовно благодатной атмосфере пустыни Келлий Евагрий и провел все последние четырнадцать (по коптской версии — шестнадцать) лет жизни. Тогда здесь подвизались около шестисот иноков, имена многих из которых вписаны в Книгу жизни на небесах и в анналы земной истории Церкви. Евагрий, обосновавшись в Келлиях, стал учеником двух великих светочей православного монашества — преп. Макария Египетского и преп. Макария Александрийского (Городского)³⁴. Сам Евагрий неоднократно ссылается на этих преподобных отцов и цитирует их в своих сочинениях³⁵. Первый из них, которого Евагрий называет (подобно тому, как он называл свт. Григория Богослова) «избранным сосудом (Деян. 9, 15), египетским старцем Макарием»³⁶, отошедший ко Господу в 390 г., основал знаменитое монашеское поселение в пустыне Скит³⁷, о котором преп. Иоанн Кассиан Римлянин сказал, что здесь «пребывали между монахами опытнейшие отцы и всякое совершенство святых»³⁸. Добраться до Скита было очень непросто, ибо, как пишет Руфин, он «лежит среди обширнейшей пустыни на расстоянии суточного пути от Нитрийских обителей. Не ведет туда никакая тропинка, и нет никаких знаков, которые бы указывали путь. Туда доходят по указанию течения звезд... Воды там мало, да и необходимая вода — отвратительного запаха, пахнет как бы смолою, но не вредна для питья. Там живут только мужи, уже усовершенствовавшиеся в духовной жизни. Кто же иначе может жить в таком страшном месте, кроме людей, обладающих бесповоротной решимостью и совершенным воздержанием? Но живут все между собою во взаимной любви, и с сердечным радушием принимают всякого, кто бы к ним ни пришел»³⁹. Так как Нитрия, Келлии и Скит

составляли как бы «триединое поселение», то сообщение между ними было достаточно оживленным, а поэтому Евагрий мог довольно часто общаться с преп. Макарием Египетским, либо сам посещая его, либо встречаясь с ним тогда, когда старец приходил в пустыню Келлий или Нитрию (в последние годы жизни преподобного это было для него весьма затруднительным из-за телесных немощей). Для Евагрия он был образцом истинного подвижника, именуемого им «святым и преуспевшим в духовном делании учителем нашим»⁴⁰. Не меньшее значение для Евагрия имел и преп. Макарий Александрийский (преставившийся в 390 г.). Особое влияние этот старец оказал на то, что можно назвать «физической аскезой»; не без серьезного влияния и мудрого наставничества преп. Макария Александрийского Евагрий успешно преодолел все ступени науки подобной аскезы.

Был он знаком и с другими выдающимися подвижниками своего времени и, в частности, с преп. Иоанном Ликопольским. Во всяком случае, Палладий в «Лавсаике» повествует, что он и другие ученики блаженного Евагрия (εὐγρῶ. τε καὶ. οἱ `peri. to.n maka, rion Ευρα, rion) слышали об этом подвижнике и захотели узнать точно, какова добродетель его (εὐζητου/μεν μαγει/ν th.n ακρι, beian (ti, j h` avreth. tou/ avdro, j). На «разведку» отправился Палладий и удостоверился в высоких духовных достоинствах святого мужа. Вернувшись, он поведал о них «блаженным отцам», и те спустя два месяца отправились к Иоанну и встретились с ним, получив большую духовную пользу и утешение. Несомненно, что Евагрий поддерживал тесные отношения с теми монахами, которых позднее архиепископ Феофил изгнал из Египта как «оригенистов». Палладий в своем «Диалоге о жизни св. Иоанна Златоуста» говорит о них так: «Мужички эти с молодых ногтей, происходя от родителей-христиан, повиновались Богу, и, будучи еще отроками, не перенесли ни служения суете, ни сношений с людскими толпами, но, достигнув безлюдного места на юге (речь идет, скорее всего, о пустыне Келлий А.

С.), лежащего вдали от населенного мира, построили хижинки, чтобы только укрываться от жара солнечного светила и от небесной влаги. Живя в этих хижинах, они проводили время в молитве и чтении Священного Писания, настолько ограничивая плоды рук в телесных трудах, насколько этого было достаточно для скудного образа жизни... Самый старший из них, почти девяносто лет, жил с блаженным Антонием. Именуясь Иераксом, он носит свое время до сегодняшнего дня. Другой — Аммоний, шестидесяти лет, с двумя братьями монахами и одним епископом были арестованы и сосланы при Валенте (т. е. во время арианских гонений А. С.), о чем знает вся Александрия. Они были настолько совершенны в знании, что ничего в Священном Писании, что приводит в затруднение многих, не ускользнуло от их внимания»⁴¹. Речь здесь идет (за исключением Иеракса) об уже упомянутых «длинных братьях», к которым Феофил сначала благоволил и сделал одного из них, Диоскора, епископом Гермопольским; Аммония он также хотел рукоположить во епископа, но тот, чтобы избежать этого, отсек себе ухо и пригрозил отсечь язык, если его не оставят в покое, — тогда его действительно не стали принуждать. Судя по всему, именно с Аммонием Евагрий сблизился теснее всего. В «Лавсаике» об этом ученике аввы Памво говорится, что с юности до смерти он практиковал сыродение⁴², «ибо он не ел ничего приготовленного на огне, кроме хлеба. Ветхий и Новый Завет он знал наизусть (avposthqi, saj) и многократно перечитывал сочинения знаменитых мужей — Оригена, Дидима, Пиерия и Стефана, как то свидетельствуют о нем отцы-пустынники (oi` th/j evzh, mou pate, rej). Назидательнее (paraklhtiko. j — можно: «утешительнее, способного даровать утешение») не было никого для братьев в пустыне. Блаженный Евагрий, муж духоносный и обладающий духовным рассуждением (avnh. r pneumatofe, roj kai. diakritiko, j), так отзывался о нем: «Никогда не видел я человека бесстрашнее его (avvtou/ avpage, steron)».

В окружении таких старцев и единомыс-

ленных подвижников протекала жизнь Евагрия. Разумеется, не всегда текла она гладко: как в любом христианском житии (а особенно монашеском), были здесь и стремнины соблазнов и водовороты искушений. Одна из «апофтегм», касающихся Евагрия, донесла отзвук их. Она гласит: «Однажды по какому-то делу было собрание (sune, drion—скорее всего, совет старцев и пресвитеров) в Келлиях, и Авва Евагрий говорил (evla, lhsan—«выступал») тут. Пресвитер же сказал ему: мы знаем, Авва, что если бы ты был в своей стране, уже давно бы мог быть епископом и начальником над многими (kefalh. pollw/n); а теперь ты сидишь здесь, как странник (w`j xe, noj—«как чужак, чужеземец»). Авва Евагрий хотя и был тронут (katanugei. j—удручен), но не смутился и, кивнув головой, сказал ему: точно так, отец! Но «единою глаголах, вторицею же не приложу» (Иов. 39, 35)⁴³. Пресвитер (имя его остается неизвестным) был, скорее всего коптом, или, во всяком случае, родом из Египта, а поэтому, пользуясь этим, смирил Евагрия, применив столь присущую ветхому человечеству антитезу «свой-чужой»; возможно, что данная антитеза была сопряжена еще с противоположностью «неученых» и «ученых» монахов. Однако видеть в этом искушении серьезный конфликт и делать из него далеко идущие выводы вряд ли следует. Смирennemудрие, присущее лично Евагрию и большинству других древних подвижников, обычно легко гасило такие искушения. Яркий пример тому—преп. Арсений Великий, некогда бывший важным сановником, а затем ставший смиренным иноком. По свидетельству тех же «Достопамятных сказаний», «как при дворе никто не носил одежды богаче (belti, ona—лучше) его, так и в обществе иноков (букв. «в церкви»—eivj th.n evklhlsi, an) никто не носил одежды хуже его». Когда этого старца спросили: «Почему мы, при всем нашем образовании и мудрости (avpo. tosau, thj paideu, sewj kai. sofi, aj), никаких добродетелей не имеем (букв. «ничего не имеем»—ouvde.n e; comen), а эти простолюдины (oi` avgroi/koi—мужланы) и египтяне стяжали такие великие добродетели?», то он

ответил: «Мы по причине мирской учености (avpo. th/j tou/ ko, snou paideu, sewj) ничего не имеем, а эти про-столюдины и египтяне стяжали добродетели своими трудами». В другой раз он вопрошал одного египетского старца о своих помыслах и ему задали вопрос: «Авва Арсений, как ты, столь сведущий в учении римском и греческом (pai, deusin Rwnaikh.n kai. Vellhnikh.n evpista, meno j), спрашиваешь о своих помыслах у простолюдина?» На это последовал ответ: «Римское и греческое учение я знаю, но азбуки (to.n avlfa, bhton) этого простолюдина еще не выучил»⁴⁴. Как то свидетельствуют источники, в стяжании подобного смиennemудрия Евагрий уподоблялся преп. Арсению⁴⁵.

О подвижничестве Евагрия сохранилось достаточно много известий. В частности, Руфин характеризует его так: «Сам отличаюсь невероятным воздержанием (incredibilis erat abstinentiae), Евагрий советовал братьям, подвизавшимся в укрощении плоти, в отражении возникших, при влиянии демонов, плотских мечтаний, воздерживаться от излишнего употребления воды. Ведь он говорил: «Если тело наполняется в избытке водой, оно порождает больше мечтаний и соблазнительных помыслов и доставляет таким образом злым духам просторный доступ»... Сам он не только пил весьма мало воды, но и вкушал ничтожное количество хлеба»⁴⁶. В греческом тексте «Лавсаика» передаются такие слова самого Евагрия: «С тех пор, как я пришел в пустыню, не ел я ни салата, ни какой другой зелени, ни плодов, ни винограда; не вкушал я ничего мясного и [не посещал] бани». От себя Палладий добавляет, что после шестнадцати лет такого воздержания от вареной пицци Евагрий, вследствие болезни желудка, вынужден был сделать в своем посте послабление и стал принимать уже овощи, ячменный отвар и бобы в течение двух лет перед смертью. Примерно то же сообщается в коптской версии, но здесь еще добавляется, что «старцы» заставили Евагрия несколько смягчить строгость своего воздержания (les viellards lui firent changer son ascese). Сообщается также, что Евагрий

спал только третью часть ночи (а днем совсем не спал): остальное же ночное время проводил в молитве и размышлении над Священным Писанием. Добавляется еще, что он совершал по сто молитв в день. Что касается рукоделия, то Евагрий, будучи прекрасным каллиграфом, подвизался в переписке книг, добывая таким образом пропитание и себе, и, возможно, странникам, посещавшим его.

Телесная аскеза была, естественно, для Евагрия, как и для большинства других подвижников, лишь средством, ведущим к благодатным созерцаниям. Об одном из таких созерцаний поведал он Палладию, и оно передается в коптской версии: однажды во время обычного ночного бдения он, сидя при светильнике и размышляя над одним из пророков, вдруг был восхищен до небес и мог объять взором всю вселенную. Тот, Кто восхитил Евагрия, сказал, что даст ему одну заповедь, и если он осуществит ее, то будет владычествовать над всем, что он видит. Заповедь же гласила: «Будь сострадательным, кротким и держи свою мысль правой в Боге». Судя по всему, Евагрий ревностно старался исполнить эту заповедь. Руфин не случайно называет его «мудрейшим мужем» (*sarientissimum virum*) и замечает: «Между другими дарованными благодатью добродетелями души он обладал даром различения духов и очищения, по слову Апостола, помышлений. Никто из братий не возвысился до такого ведения тонких и духовных предметов (*ad tantam subtilium et spiritualium rerum scientiam*). Он приобрел этот дар из жизни, из собственного духовного опыта и, что важнее всего, при помощи благодати Божией. Но не мало помогло тому и то, что он долгое время был учеником блаженного Макария (*multo tempore instructus fuerit a beato Macario*)»⁴⁷. В коптской версии констатируется, что Евагрий был весьма сведущ в Священном Писании и в православных преданиях католической Церкви: о знании всего этого, о его уме и правом учении свидетельствуют книги, написанные им. Богатый духовный опыт, обретенный прежде всего смирением и кротостью,

имел следствием своим и богословскую одаренность, которая позволила Евагрию быть искусным полемистом. В одном из греческих фрагментов (он именуется «Из жизни святого Евагрия, описанной Палладием»)⁴⁸ и в коптской версии описывается его богословская дискуссия с тремя бесами, принявшими обличье клириков (*evn sch, mati klhrikw/n*). Они заявили ему, что, прослышав о его правильном рассуждении относительно веры (*kalw/j peri. pi, stewj diale, gh|*), каждый решил поставить перед ним некую затруднительную проблему (*pro, blhma*). Один из этих бесов предстал в качестве евномианина, другой — как арианин, а третий — как аполлинарист. Все поставленные перед ним вопросы авва блестяще разрешил, посрамив бесов, причем его ответы полностью выдержаны в православном духе. В частности, он здесь решительно утверждает, что Святой Дух не является ни порождением, ни тварью (*ou; te ge, nnhma ou; te kti, sma*), а исходит от Отца (*evk tou/ Patro. j evkrozeu, etai*). Четко обозначаются им и фундаментальные черты православной христологии: тело Христа воспринято Им от Марии, и Его человечество является полным человеческим естеством, включающим тело, душу и ум. Данная дискуссия вполне могла иметь под собой реальную подоплеку, отражая факт защиты Православия Евагрием против указанных ересей. Примечательно еще, что в «Истории египетских монахов» констатируется: Евагрий «часто приезжал в Александрию и заставлял умолкнуть эллинских философов»⁴⁹. Таким образом, жизнь Евагрия протекала не только в тиши уединенной келлии, но порой прерывалась и «догматическими стычками» с различными еретиками.

Подобная яркая личность, естественно, привлекла взор священноначалия. Как гласит та же коптская версия, архиепископ Феофил захотел рукоположить Евагрия во епископа Тмуисского (или: Тмуитского)⁵⁰, но тот, чтобы избежать этой участи, скрылся в Палестине. В этой связи Сократ передает такой любопытный эпизод. Сообщив об уже упомянутой попытке рукоположить Аммония, церковный историк

говорит: «Спустя несколько времени, александрийский епископ Феофил взял для епископства Евагрия, который также убежал, но не изуродовал никакой части своего тела и, встретившись с Аммонием, ласково сказал: «Худо сделал ты, что отсек себе ухо, за такой поступок будешь отвечать пред Богом». «А ты не будешь отвечать, Евагрий, что не отсек у себя язык и ради самолюбия не воспользовался дарованной тебе благодатью?» — отвечал Аммоний»⁵¹. В этой «дружеской подначке» двух выдающихся подвижников скрыто много нюансов их внутренних отношений, но главное состоит в том, что оба были единомышленны в своей любви к «исихии» и к тишине Богомыслия, ради которых и отказались от мирской суеты и искушений властью и честолюбием, неотделимых от епископского служения. К сожалению, ничего неизвестно о том, когда и при каких обстоятельствах Евагрию была предложена епископская хиротония; почти ничего не знаем мы и о его посещении (втором, или были еще?) Палестины. Наиболее вероятно, что он и на этот раз остановился у своих друзей — преп. Мелании Старшей и Руфина, но сколь долго он гостил у них, неизвестно. В коптской версии сообщается, что во время своего пребывания в Палестине «апа Евагрий» встретил некую жену трибуна, одержимую нечистым духом: она испытывала отвращение ко всему тварному. Возомнив, что живет ангельской жизнью, не выполняла своих супружеских обязанностей и изрекала слова «внешних философов», не понимая их смысла. Вполне приемлима гипотеза Г. Бунге, что здесь Евагрий имел дело с одной из заблудших овец, увлеченных в прелесть «лжеименного ведения»⁵². Как повествуется далее, «человек Божий апа Евагрий» обратил сердце этой женщины одним словом и одной молитвой, избавив ее от демонского наваждения. Когда же «опасность хиротонии» миновала, Евагрий вновь вернулся в Египет.

В последние годы своей жизни он стал известным и почитаемым старцем, вокруг которого собралась группа верных ему учеников; Палладий, сам принадлежавший

к ней, устами преп. Иоанна Ликопольского называет эту группу «обществом Евагрия» или «товариществом Евагрия» (th/j sunodi.aj th/j Euvagri,ou (th/j e'tairei.aj Euvagri, ou). По обычаю келлиотов, ученики, как то передает коптская версия, собирались к Евагрию по субботам и воскресеньям и (вероятно, после вечернего богослужения) всю ночь открывали ему помыслы и слушали его наставления, которые были «весьма сладостны». Если кто-нибудь из учеников имел нечто такое, что стыдно было сказать в присутствии братии, то он мог остаться наедине со старцем для откровения с глазу на глаз. Но не только учеников принимал Евагрий: по словам Палладия, он был столь гостеприимен, что ежедневно в его келлии находилось пять или шесть странников (etrangers — иностранцев), пришедших из других областей, чтобы услышать его духовное назидание и воспринять, по мере возможности, что-либо из сокровищницы его подвижнического опыта. Заботился о странниках эконоом «братства Евагрия», постоянно живший в его келлии, которая являлась, по сути дела, маленьким монастырем; в распоряжении эконома находились деньги (называется сумма в 200 серебряных монет) и необходимые припасы. Так протекали последние годы жизни Евагрия: окруженный любящими учениками и духовными чадами, он скончался в 399 г. вскоре после праздника Богоявления и накануне тяжких искушений первой волны «оригенистских споров».

Такова жизнь этого подлинно христианского любомудра, из уст которого, как констатирует Палладий, нельзя было услышать ни одного мирского или суетного слова. Спустя некоторое время после кончины Евагрия Созомен говорит о нем: «В дружбе с Аммонием находился мудрый Евагрий, муж ученейший, сильный умом и словом и особенно способный различать мысли, ведущие к добродетели и пороку, и располагаться так, чтобы первые развивать, а последних остерегаться... Нрав его, говорят, отличался умеренностью и обнаруживал столь мало тщеславия и гордости, что как заслуженные похвалы не над-

мевали его, так и незаслуженные укоризны не возбуждали в нем огорчения»⁵³. Подобное уважение и почитание Евагрия характерно практически для всех его современников и ближайших к IV в. поколений. Однако спустя чуть более столетия образ Евагрия начинает меняться в глазах православных христиан. В конце концов он сопричисляется, вместе с Оригеном и Дидимом Слепцом, к числу еретиков. Однако тем дело не заканчивается: в «Добротолюбии» (греческом, церковнославянском, русском и т. д.), этой сокровищнице и средоточии всей святоотеческой аскетике, авва Евагрий вновь занимает почетное место. Так возникает загадка и парадокс Евагрия, которые православные ученые должны решить...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор ее см. в нашем предисловии к кн.: Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994, с. 5-13. Здесь же приводится и соответствующая литература.

² Имеется в виду критический текст этого сочинения, изданный К. Батлером: *The Lausiac History of Palladius. The Greek Text edited with Introduction and Notes by Dom Cuthbert Butler, v. II. Cambridge, 1904, p. 116-123.* К сожалению, русский перевод, неоднократно переиздававшийся, основывается на т. н. «пространной редакции», которая представляет собой более поздний и неаутентичный вариант рукописной традиции по сравнению с «краткой редакцией», изданной К. Батлером.

³ См.: *Quatre ermits egyptiens dVapres les fragments coptes de lVHistoire Lausiaque. Presentes par G. Bunge. Traduits par A. De Voge. Abbay de Bellefobtaine, 1994, p. 27-62.*

⁴ Коптская версия цитируется по французскому переводу: *Ibid.*, p. 153-175.

⁵ В древней Церкви хорепископ («деревенский епископ») мало чем отличался от пресвитера. Как замечает В. В. Болотов,

«обыкновенно управляли приходом пресвитеры. Если приход получал достаточную крепость, то сюда ставили деревенских епископов или хорепископов. Так явились хорепископы. Но потом, вследствие запрещения назначать в мелкие места лиц епископского сана [Сердик. 4/6], появилась должность периодевтов. В корне этого слова лежит слово *o`do, j* peri, odoj* значит «обход», *periodeu, ein*—употреблялось в смысле визитации, особенно врачебной. Поэтому «*periodeu, thj*» имело значение практикующего врача. Ему хорошо соответствует латинское *visitator*—пресвитер, имеющий на своей обязанности обхождение известных церквей или надзор над ними. Но он был поставлен к определенной церкви, и в его отсутствие должность его исправлял другой. Таким образом от хорепископов перешли к периодевтам. Но в практике долго оставался титул хорепископа. В сущности весьма возможно, что хорепископы получали хиротонию епископа, но не имели права «архирейски действовать», т.е. совершать хиротонии». Болотов В. В. *Собрание церковно-исторических трудов*, т. IV. М., 2002, с. 210-211.

⁶ О связях св. Василия с Иворой см.: *Pouchet R. Basile le Grand et son univers dVapres sa correspondance. Roma, 1992, p. 622-623.*

⁷ Кесария Каппадокийская была одним из заметных центров образования в тогдашнем греко-римском мире. Здесь Евагрий прошел неплохую школу, получив приличные знания в области риторики, философии, математики и пр. наук. См.: *Lackner W. Zum profanen Bildung des Evagrius Pontikos // Festshrift H. Gerstinger. Graz, 1966, S. 17-29.*

⁸ Мы придерживаемся этой традиционной даты; высказывается мнение, что кончина святителя произошла в 377 г. См.: *Rousseau Ph. Basil of Caesarea. Berkeley—Los Angeles—London, 1998, p. 360-363.*

⁹ Оно дошло до нас как 8 послание св. Василия Великого, принадлежа к числу 34 неподлинных писем этого святителя.

Предполагается, что данное послание Евагрий написал к подвижникам, которые пребывали в Анеси. См.: Pouchet R. *Op. cit.*, p. 29.

¹⁰ Творения аввы Евагрия, с. 142.

¹¹ Там же.

¹² По словам одного историка Церкви, «здесь действовали представители всех догматических партий, в таком обилии порожденных IV веком. Омии еще имели своего главу в лице Демофила и твердо держались в столице: с ними сталикивались и перемешивались евномиане, македониане, пневматомахи, защитники Павлина и Мелетия и новациане. Догматические вопросы спустились в толпу и сделались предметом состязаний, шуток и насмешек... Самого Григория Богослова, когда он прибыл в этот обуреваемый страстями и спорами город, общество встретило камнями; было даже покушение на его жизнь. Григорий поселился в доме своего родственника, под крышей которого свободно уместились все, оставшиеся верными Никейскому символу в этой многолюдной столице». Спасский А. История догматических движений в эпоху Вселенских соборов. М., 1995, с. 568-569. По словам другого русского православного ученого, «прибывши в Константинополь (379 г.), св. Григорий поселяется в доме своего родственника, Никовула. Сюда, за неимением своих храмов, православные жители столицы стали собираться для слушания проповедей своего нового епископа. Личность Григория, человека незначительного происхождения (это не совсем корректно: св. Григорий был, хотя и провинциал, но происходил из вполне состоятельной и аристократической семьи — А. С.), в простой и бедной одежде, со станом несколько сторбленным, с головою, почти не покрытою волосами, с некрасивым складом лица, изнуренного слезами, постом и бдением, с руками загрубевшими от черных работ, с грубым кашпадокийским произношением, по-видимому, не могла привлекать к себе жителей роскошной столицы, окруженных богатством и внешним блес-

ком, увлекавшихся наружною красотою и знатностью происхождения своих пастырей и привыкших к блестящим, напыщенным их речам. Однако же, когда раздалось его сильно слово, к нему стали стекаться не только все православные, но и весьма многие из еретиков, так что дом, в котором он жил и проповедывал, скоро обратился в обширный храм, названным потом «Анастасиею». Приняв на себя тяжкий труд восстановления Православия в Константинополе, св. Григорий повел дело с тактом мудрого и опытного пастыря». Виноградов Н. Догматическое учение святого Григория Богослова. Казань, 1887, с. 136-137.

¹³ Sozomenus Kirchengeschichte. Hrsg. von J. Bidez und G. Chr. Hansen. Berlin, 1960, S. 285. Русский перевод: Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. Спб., 1851, с. 450.

¹⁴ Творения аввы Евагрия, с. 112.

¹⁵ PG 37, 393.

¹⁶ После внезапной кончины во время работы второго Вселенского собора св. Мелетия Антиохийского, встал вопрос о его преемнике. Св. Григорий высказался в пользу Павлина, «но предложение его не встретило сочувствия в большинстве членов собора, во главе которого (большинства) стояла, по выражению Григория, «буйная толпа молодых людей». Будучи не в силах возвыситься до понимания истинных интересов Церкви и действуя под влиянием самолюбия и эгоизма, противники Григория, игнорируя примирительные стремления Григория, усматривали в его предложении только унижительную уступку Востока Западу и сознание своей прежней несправедливости в антиохийском деле». Виноградов Н. Указ. соч., с. 146-147. См. также: Карташев А. В. Вселенские соборы. М., 1994, с. 132-133. Правда, иногда констатируется, что «главной причиной своего поражения Григорий считал не расхождения с Собором по церковно-политическим вопросам, но догматические расхождения по вопросу о Бо-

жестве Святого Духа... Отвергнув ересь пневматомахов и признав Духа равным Отцу и Сыну, участники Собора все же не пошли на то, чтобы внести утверждение о Божестве Святого Духа в Символ, чего, по-видимому, добивался Григорий». Иеромонах Иларион (Алфеев). Жизнь и учение св. Григория Богослова. М., 1998, с. 85-86. Однако, подобная смелая констатация не подкрепляется четкими и ясными свидетельствами самого св. Григория («по-видимому» отнюдь не является таким свидетельством), а поэтому данную констатацию можно отнести за счет смелого полета фантазии автора монографии.

¹⁷ Он, по характеристике одного русского церковного историка, «был человек более благочестивый, чем ученый, более преданный политическим делам, чем материям веры». Чернявский И. Ф. Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. Сергиев Посад, 1913, с. 288. Впрочем, Нектарий проявил себя вполне достойным архипастырем и оставил после себя добрую память в истории Церкви.

¹⁸ См. у Г. Бунге: Evagrius Pontikos. Briefe aus der Weste. Eingeleitet, uebersetzt und kommentiert von G. Bunge. Trier, 1986, S. 177-179.

¹⁹ Предположение Г. Бунге. См.: Ibid., S. 29.

²⁰ О ней см.: Murphy F. X. Melania the Elder, A Biographical Note // Traditio, v. 5, 1947; Idem. Rufinus of Aquileia (345—411). His Life and Works. Washington, 1945, p. 32-54; Moine N. Melaniana // Recherches Augustiniennes, t. 15, 1980, p. 3-79. Память ее 8 июня. См.: Архиепископ Сергей (Спасский). Полный Месяцеслов Востока, т. II, ч. 1. М., 1997, с. 173.

²¹ Палладий сообщает о ней: «Триблаженная Мелания была родом испанка, или римлянка, дочь одного из консулов (του/αυρο. υ'ρα, τωπ), жена одного знатного сановника, имени которого не помню. На двадцать втором году она овдовела и по смерти мужа, воспламенившись Божественной

любовью, обручила себя Вечному Жениху... Упросив царствующего тогда Валента, чтобы он наименовался опекуном ее сына, сама взяла свои вещи и, нагрузив корабль, вместе с несколькими слугами и служанками отправилась в Александрию».

²² Палладий характеризует его так: «Более знающего и добродетельнейшего среди мужей не встречалось» (ου-γνωστικω, τεροj και. ερπεικο, τεροj εν ανδρα, sin αυk αυρι, sketo).

²³ См.: Hunt E. D. Palladius of Helenopolis: A Party and its Supporters in the Church of the Late Fourth Century // Journal of Theological Studies, v. 24, 1973, p. 456-466.

²⁴ Церковная история Эрмия Созомена Саламинского, с. 450.

²⁵ См.: Evagrius Pontikos. Briefe aus der Wüste, S. 234, 346.

²⁶ «Гора, или пустыня Нитрийская, которую блаженный Иероним называет градом Божиим, по святости пустынножителей, обитавших в ней, была обширная пустыня, на юг от озера Мареотского, граничившая к востоку с пустынею Скитскою, с другой стороны с Ливиею и землею Мазисов, и простиралась до Ефиопии. Она получила название от соседней горы, где в озерах было большое количество селитры (нитра). Это подало повод Иерониму и Руфину сказать, что там грехи людей часто омывались селитрою добродетелей». Казанский П. С. История православного монашества на Востоке, т. II. М., 2000, с. 7-8.

²⁷ См.: Сидоров А. И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998, с. 135-137. См. также: Chitty D. J. The Desert A City. An Introduction to the Study of Egyptian and Palestinian Monasticism under the Christian Empire. N.Y., 1976, p. 29-32.

²⁸ История египетских монахов. М., 2001, с. 71-72.

²⁹ См. на сей счет статью А. Гиймона «История монахов в Келлии» в сборнике

его работ: Guillaumont A. *Aux origines du monachisme chretien. Abbaye de Bellefontaine*, 1979, p. 151-167. См также: Desprez V. *Le monachisme primitif. Des origines jusqu'au concile d'Ephese. Abbaye de Bellefontaine*, 1998, p. 278-283. Одна из «апофтегм» преп. Антония Великого кратко описывает основание названного монашеского поселения: «Авва Антоний пришел однажды к авве Аммону в гору Нитрийскую и, когда они увиделись друг с другом, Авва Аммон говорит: «Молитвами твоими умножились братия, и некоторые из них желают построить себе келлии в отдалении, чтобы пребывать в безмолвии; на каком расстоянии отсюда велишь ты построить келлии?» Авва Антоний отвечал: «Вкусим пищи в девятый час и пойдем, походим по пустыне и посмотрим место». Они шли по пустыне до самого захода солнца. Тогда Авва Антоний говорит: «Сотворим молитву и поставим здесь крест, чтобы здесь строили желающие строить. Тамошние, если захотят посетить здешних, пусть приходят сюда, съевши свой малый кусок в девятый час, а здешние пусть то же делают, уходя туда; и они не будут развлекаться при взаимном посещении». — Расстояние же было на двенадцать верст». Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Сергиев Посад, 1993, с. 17.

³⁰ Жизнь пустынных отцев. Творение пресвитера Руфина. Перевод с латинского священника М. И. Хитрова. Сергиев Посад, 1898, с. 92-93. Латинский текст по изданию: Tyrannius Rufinus *Historia monachorum sive De vita sanctorum patrum*. Hrsg. von E. Schulz-Flugel. Berlin-N.Y., 1990, p. 358-359.

³¹ Результаты их сведены в уже упоминавшейся выше статье А. Гийомона.

³² У них «было свое хотя малое хозяйство, свое имущество. Иные заготавливали себе годовые запасы муки и других съестных припасов, запас годовой материала для работы, имели нужные орудия, книги и деньги, хотя в небольшом количестве». Казанский П. С. *Общий очерк жизни ино-*

ков египетских в IV и V веках // В кн.: Сидоров А. И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998, с. 443. О рукоделии иноков см. здесь же (с. 446-451).

³³ История египетских монахов, с. 72-73. Аналогичное описание и у Руфина, который замечает: «В тех местах не трудно построить обширное здание из обожженных кирпичей». *Жизнь пустынных отцов*, с. 94.

³⁴ См. свидетельство Сократа: «Между монахами того времени известны и еще два боголюбивых мужа одного имени: тот и другой назывался Макарием. Один из верхнего Египта, другой из города Александрии. Оба они прославились многими делами — подвигами, образом жизни и совершившимися через них чудесами. Так, Макарий Египетский совершил столько исцелений и из стольких бесноватых изгнал демонов, что для описания дел его при помощи благодати Божией нужно особое сочинение. Несмотря на благочестие, Макарий Египетский был суров к приходящим, а Александрийский, сходный с ним во всем, разнился только тем, что с приходящими был приятен, и ласковостью располагал молодых людей к подвижнической жизни. Учеником их был Евагрий и, считавшись прежде философом на словах, стяжал философию на самом деле». Сократ Схоластик. *Церковная история*. М., 1996, с. 188. Подробно об Евагрии как об ученике обоих Макариев см. обстоятельную статью: Bunge G. *Evagre le Pontique et les deux Macaire // Irenikon*, 1983, N 2, p. 215-226; N 3, p. 323-360.

³⁵ Г. Бунге (*Ibid.*, p. 219-223) насчитывает десять таких ссылок и цитат, из которых четыре относятся к преп. Макарию Египетскому и шесть — к преп. Макарию Александрийскому.

³⁶ Творения аввы Евагрия, с. 110.

³⁷ Об этом поселении см. предисловие к изданию: *Les Apophtegmes des Peres. Collection systematique, t. I. Ed. par J.-C. Guy // Sources chretiennes*, N 387. Paris,

1993, p. 35-79; Desprez V. Op. cit., p. 283-286.

³⁸ Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Сергиев Посад, 1993, с. 167.

³⁹ Жизнь пустынных отцов, с. 102. В «Истории египетских монахов» еще добавляется штрих, показывающий опасность пути в Скит: «Если кто-нибудь немного ошибется, он обречен скитаться в пустыне». История египетских монахов, с. 79-80.

⁴⁰ Творения аввы Евагрия, с. 101.

⁴¹ Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста. Вступительная статья, перевод с древнегреческого, комментарии А. С. Балаховской. М., 2002, с. 109.

⁴² Так мы понимаем фразу: *h` me, ntoi tra, peza autou/ οε, gonev evk neo, thtoj wnofagi, a e[w] qana, tou*. Понимать слово *wnofagi, a* в прямом его значении как «поедание сырого мяса» представляется абсурдным; в русском переводе — «сырые овощи», что так же возможно.

⁴³ Достопамятные сказания, с. 64. Греческий текст: *TO GERONTIKON HTOI APOFQEGMATA AGIWN GERONTWN) AQHNAI*, 1970, с. 34.

⁴⁴ Там же, с. 18; *Ibid.*, s. 5.

⁴⁵ Примечательна в этом плане одна «апофтегма» в коптском «Патерике», где говорится: «В начале (деятельности) апы Евагрия он пришел к одному старцу и сказал ему: «Апа, скажи слово мне, как мне спастись?» Он сказал ему: «Если ты хочешь спастись, не презирай (никого), и если ты придешь к кому-либо, не говори первым, пока он не спросит тебя». Он был поражен (этим) словом, повергся перед ним, (говоря): «Прости мне, поистине я прочел много книг и не знал мудрости». И он получил духовную пользу, и ушел». Изречения египетских отцов. Памятни-

ки литературы на коптском языке. Введение, перевод с коптского и комментарии А. И. Еланской. СПб., 2001, с. 50.

⁴⁶ Жизнь пустынных отцов, с. 97; *Tiranius Rufinus. Historia monachorum*, p. 364. Ср.: «Евагрий советовал бывшим с нами братьям не упиваться водой: «Ибо бесы обычно приходят в места, где много воды»». История египетских монахов, с. 74.

⁴⁷ Жизнь пустынных отцов, с. 96-97; *Tyrannius Rufinus Historia Monachorum*, p. 363-364.

⁴⁸ Текст его см.: *The Lausiac History of Palladius*, v. I, p. 132-135.

⁴⁹ История египетских монахов, с. 74.

⁵⁰ «Город Тмуит лежал недалеко от Александрии, в дельте Нила. Аммиан Марцелин говорит, что этот город в IV веке принадлежал к числу главнейших городов Египта. Из истории тмуитских епископов видно, что большую часть они были люди весьма образованные». Терновский Ф. А. Очерки из церковно-исторической географии. Области восточных патриархов Православной Церкви до IX века. Казань, 1899, с. 130.

⁵¹ Сократ Схоластик. Церковная история, с. 190-191.

⁵² Евагрию довольно часто приходилось сталкиваться с различными разновидностями этой ереси и полемизировать против них. Подробно см.: *Bunge G. Origenismus—Gnostizismus. Zum geisgeschichtlichen Standort des Evagrius Pontikos // Vigiliae Chtistianae*, v. 40, 1986, S. 30-36.

⁵³ Церковная история Эрмия Созомена Саламинского, с. 449-450.